

Яковенко Л. К.

ВНЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/78.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 193-195. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

иным, противоположным смыслом, не ощущением счастья от полноты бытия и красоты окружающего мира, а желанием потреблять, приносить доход: «Обилие фруктов и в особенности ягод было такое, что с конца июня до половины августа господский дом положительно превращался в фабрику, в которой с утра до вечера производилась ягодная эксплуатация» [Там же, с. 14]. Огромный «воскресный пирог», символизирующий в главе IX «Сон Обломова» романа И. А. Гончарова «Обломов» изобильную и благодатную жизнь, в «Пошехонской старине» являет собой символ жадности хозяев: «Начинка этого пирога представляла смешение всевозможных отбросов, накопившихся в течение недели, и наполняла столовую своеобразным запахом лежалой солонины» [Там же, с. 22]. Семья, призванная давать ребенку ощущение «душевного равновесия», «создавать то стихийное общение, которое, захватив человека с колыбели, наполняет все его существо и проходит потом через всю его жизнь», в щедринских очерках постулируется в качестве предустановленной нормы, на фоне которой семья Затрапезных, где «ни отец, ни мать не занимались детьми», а дети «не знали родительской ласки», однозначно определяется взрослым рассказчиком как «неестественная» [Там же, с. 21-35]. Семейные трапезы, должны объединять всех ее членов, в доме Затрапезных сопровождаются «бранью», и «непристойными словами», что обостряет отчуждение близких людей друг от друга. Это определяет статус близких как преступников, отрицающих счастливое детство у своих детей. Рассуждения о педагогической «системе» в щедринских очерках дополняют картину преступлений против детства. «Педагоги, служащие ей не только за страх, но и за совесть», делают ребенка «злосчастливым» [Там же, с. 79], отнимая у него детство. Вся система отношений людей выстроена в очерке противоположной тому, что уже сложилось в русских литературных представлениях в качестве модели «счастливого детства».

Таким образом, русская литература XIX века в раскрытии темы несчастного детства в историческом плане следовала за своими европейскими литературными предшественниками и, прежде всего, за Ч. Диккенсом. Однако утверждение о прямой связи русской литературы XIX века об «украденном детстве» с европейской литературной традицией является не вполне точным. В раскрытии темы детских страданий и унижений европейский роман о детстве XIX века опирался на традиции романа воспитания, которые не были восприняты русской литературой. Настроение «недоверия» к миру, господствующее в западноевропейском романе XIX века, в той или иной мере связано с раскрытием темы детства. В европейской художественной концепции доминирует признание принципиального несовершенства мира и, как следствие, нарастающее в душе героя ощущение своей непричастности ему, своей иноприродности. Все надежды реализовать себя в нем, принять его условия и на этой основе построить свою жизнь - тщетны. Продуктивной позицией признается сознательное дистанцирование от мира, установка на отчужденное самосохранение в принципиально враждебной среде. Детство в этой схеме взросления героя рассматривается периодом жесткого конфликта человека и мира. В этом контексте страдания и унижения ребенка становятся обязательным условием осознания своей внемирности. Общая идейная установка западноевропейской литературы XIX века укладывается в формулу «потерянного рая». «Потерянный рай» - это изначальное, непреодолимое условие жизни на земле. Сколько бы точно не были персонифицированы носители зла, те, от кого исходят страдания и унижения героя, само зло не порождается ими. Зло здесь - не явление мира, а его состояние, изначально заданное условие его существования. Страдания и унижения ребенка как тема русской литературы второй половины XIX века проявляется в контексте иных идейных установок. Источник зла здесь локализован, назван и персонифицирован. Ситуация укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя). Вся эта конфигурация возможна при одном условии: устоявшемся представлении о детстве как о счастливой поре, норме, нарушение которой влечет за собой осуждение. На этом фоне страдания ребенка могут быть оценены как отнятое, «украденное детство». Этот фон отсутствует в традиции западноевропейского романа о детстве. Поэтому вполне правомерно утверждение о том, что русская литература об «украденном детстве» является не результатом творчески осуществленного заимствования европейской литературной традиции, а представляет собой развитие тенденций, заложенных в логике собственно русского историко-литературного процесса.

Список использованной литературы

1. **Белинский В. Г.** Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. 1. Статьи и рецензии, 1829-1835.
2. **Катарский И. М.** Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966.
3. **Помяловский Н. Г.** Сочинения. Л., 1980.
4. **Пушкарёва В. Н.** Дети и детство в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. Белгород, 1998.
5. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собр. соч.: в 20 т. М., 1975. Т. 17. Пошехонская старина.

ВНЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Яковенко Л. К.

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова, г. Шымкент, Казахстан

При проведении ассоциативных экспериментов, направленных на выявление определенных черт, связываемых в языковом сознании казахстанцев с образом профессионала, нами получено большое количество

реакций, указывающих на внешность профессионала. Обращаясь к анализу внешних признаков профессионала, мы будем, вслед за Н. В. Дмитриук, исходить из того, что «значение (в том числе значение слова) существует в двух формах - языковой (вербальной) и предметной. Вербальное значение лишь «отсылает» к предметному, которое базируется на перцептивном образе и существует либо как нечто «внешнее» (например, в языке, в действительности), либо как нечто «внутреннее» (в сознании)» [Дмитриук, 2000, с. 248].

Е. В. Харченко утверждает, что внешность с давних пор была важным признаком, по которому происходило деление на «своих» и «чужих». Различия между отдельными сословными, социальными или профессиональными группами внутри этноса закреплялись системой формальных показателей. В наши дни большую роль в повседневном общении имеют стереотипы, связанные с вещественными и знаковыми атрибутами принадлежности лица к той или иной организации, сословию, профессии и др. Самый обыденный пример - изменение одежды выпускниками школ как символическое действие. Обыденное сознание чувствительно ко всем знакам статусного характера, отмечающим принадлежность человека к той или иной организации и положение в ней [Харченко, 2005, с. 160-161].

Установить наблюдаемые в языковом сознании казахстанцев соответствия между профессией и внешним видом позволили материалы эксперимента. Респондентам были предъявлены названия 20 профессий и предложено дать ассоциации по внешнему виду. Не все ответы, полученные нами, можно считать ожидаемыми, поскольку, кроме реакций, действительно, отражающих восприятие респондентами внешних примет профессионала, встретились и иные (*умный, экономик, простофиля* и др.). Однако с известной долей условности можно принять и некоторые из них, ибо, как явствует из бесед с респондентами, «у него на лице написано, что он умный», «ведет себя строго и выглядит строго» и пр. В результате из полученных нами реакций мы смогли выделить 2 основные группы: 1) внешние признаки самого профессионала (это его одежда, стиль, манера одеваться (*униформа, пиджак, классически одет, обычная одежда* и пр.), поза (*спокойно сидящий в кресле*), эстетическая оценка внешности (*красивый, привлекательный, элегантность*), манера говорить, двигаться, смотреть (*красиво говорящий, нервные движения*), физические данные (*полнота, стройный, толстоватый*), цвет и его интенсивность (*в белом, яркий*) и 2) предметы, орудия труда и место труда (*микрофон, нарукавники, стройка, дом*). К третьей, вспомогательной группе мы относим другие характеристики, выполняющие двойную функцию: они называют разнообразные качества профессионала, но респондент усматривает их не в профессиональной деятельности специалиста, а в его внешности (*веселый, погруженность в себя*).

Бухгалтера прежде всего характеризуют такие внешние признаки: это человек, который должен быть строго одет: *в очках, женщина в очках; очки* (очки, как известно, придают облику человека определенную строгость, подчеркивают деловитость, сдержанность), *костюм; пиджак; галстук; классически одет; строго одетый; костюм темного цвета; костюм строгий; деловой стиль* и пр. Помимо названных довольно жестких требований к внешнему виду бухгалтера, допускаются и такие элементы одежды, которые воспринимаются как традиционные (*жилетка, нарукавники*). Кроме того, это обычно женщина (*женщина в очках; женщина*), косвенным признаком чего являются и физические данные (*полнота*). Физические признаки при этом полярны (*стройный; толстый*) и, вероятно, не имеют большого значения для восприятия профессионала. Напряженный характер работы выдают *нервные движения, быстрый взгляд*. Орудия и место труда охарактеризованы немногочисленными реакциями: *вечно с бумагами; сидящий на компьютере; калькулятор*. К внешним признакам можно отнести и такие, как *солидный* (известно, что одно из значений этого слова - «большой, полный» [Ожегов, 1989, с. 744], *всегда веселый, строгий, серьезный*, поскольку эти внутренние качества обычно отражаются на внешности человека: у серьезного человека обычно статичная мимика, тогда как у веселого наблюдается игра лицевой мускулатуры.

Водитель охарактеризован внешними признаками с наибольшей полнотой. По мнению респондентов, для него свойственны: *черный костюм; фуражка; рубашка; галстук; свободная форма; свободный стиль одежды; джинсы; кепка; обычная одежда; одет обычно; кепка; фуражка; в фуражке; роба; удобное трико; футболка; рубашка с коротким рукавом*. Его физические данные - *крупные руки; плотного телосложения с грязными руками; худенький; неопрятный; пахнущий бензином; рубашка, сигареты в зубах, усталый вид*. Респонденты не называют признаков, которые бы говорили об универсальности облика водителя, однако среди реакций появляется упоминание о форме, а многократно повторяющиеся отзывы типа *фуражка, кепка, рубашка* имплицитно говорят о подсознательном видении специальной одежды, хотя и не столь строго стандартизированной, как, скажем одежда военных или даже медицинских работников. Как известно, в последние годы многочисленные частные предприятия стремятся выделить своих сотрудников путем введения специальной формы. В зависимости от пожеланий руководителей разных, хотя и родственных по профилю предприятий форма может разниться, однако в принципе её использование становится обычным. Среди предметов, дорисовывающих облик водителя, повторяются *машина, сигарета*.

Наименьшее разнообразие реакций при общем большом их количестве было дано на профессию врача. Главным во внешности врача респонденты считают специальную медицинскую одежду: *белый халат; колпак; халат; халат и шапка; халат и спец. медицинский костюм; халат (белый), брюки (черные), в форме, сюда же примыкают очки*. Профессионально важным признаком, обнаруживаемым во внешности врача, является чистота, о чем свидетельствуют такие реакции, как *чистый; чистоплотный; чистота; чистые руки; белые ладони*. В целом внешняя оценка врача носит позитивный характер, но не однозначный: он *аккуратный; стройный; красивый*. Вместе с тем общение с врачом носит личностный характер, ему предстоит дове-

рять свое здоровье и проблемы, поэтому врачу нужно доверять. Вот почему врач в сознании многих респондентов - это мужчина с приятной улыбкой; у него выразительное лицо и пр. Однако полного доверия к врачу, который отгораживается от пациентов стеной врачебной тайны, респонденты все-таки не испытывают, о чем говорят реакции типа *белый халат и лжепремилая гримаса; непроницаемое лицо* и пр. О том же свидетельствуют косвенные характеристики типа *строгий вид; занятое выражение лица; озабоченный чем-то; осторожный* и пр. Среди предметов, которые формируют представление о внешнем виде врача как профессионала, названы *мед. повязки; скальпель; укол; зеркало ЛОРа на голове* и пр.

Много общего в восприятии респондентами медсестры и врача. Подобно врачу, медсестру связывают с такими внешними приметами: *белый халат; халат; в колпаке; в белом или синем халате; халат, колпак; белый халатик, туфли и темные брюки; белый халат, теплые колготки и шлепанцы (на ней)*. Все это - обычная, даже, можно сказать, стандартная для медицинского работника одежда, поэтому реакции совпадают почти полностью. Для медсестры не менее важной, чем для врача, является, по мнению респондентов, чистота: *с чистым лицом; чистота; чистоплюбивая*. Как и врач, медсестра *аккуратная; опрятная; приятная; красивая; стройная; худая; худенькая*. Однако на этом сходство кончается, и начинаются отличия. Если врачу приписывается серьезность (*непроницаемое лицо*), строгость (*строгий вид; занятое выражение лица*), озабоченность (*озабоченный чем-то*), то медсестра скорее легкомысленна, чем серьезна (*кокетка, пустое выражение лица*). Её орудия труда - *шприц, лекарства*. К личностным качествам, обнаруживаемым во внешности профессионала, можно отнести такие: *спокойная, внимательная, быстрая*.

Нами приведено лишь несколько примеров, однако анализ реакций, характеризующих внешний вид профессионалов, в целом показал, что для большинства профессий существуют стереотипы внешности профессионала, основу которых составляет определенная форма (униформа), выступающая символом принадлежности к определенной профессии или организации. Среди отзывов-реакций на внешность профессионалов наибольшее количество связано с одеждой: она выступает как символ, помогающий опознать представителя той или иной профессии, причем символическую нагрузку несет и цвет формы. Например, профессия врача и медсестры в первую очередь связываются с белым цветом, что с одной стороны отражает реальный перцептивный опыт (белый халат, белые стены и белый потолок в больнице), а с другой - цветовую символику чистоты (внешней и внутренней), покоя [Горошко, 2000, с. 295]. Внешний вид позволяет отнести человека к определенной группе и, исходя из этого, прогнозировать его поведение, выстраивая в свою очередь свои действия. Таким образом, униформа является символом не только для сотрудника (принадлежность к организации: замечено, что выше престиж организации, тем охотнее носят ее форму сотрудник, и наоборот), но и для носителей культуры в целом.

Список использованной литературы

1. Горошко Е. И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000.
2. Дмитриук Н. В. Ассоциативные портреты-характеристики представителей русского и казахского этносов // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1989. 800 с.
4. Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003.